

У МОСКОВСКОГО драматического театра вет «длинной истории», он вступил всего лишь в одиннадцатый сезон. Разумеется, художественная зрелость коллектива не измеряется годами, и было бы нелепо достижения театра ставить в прямую зависимость от его «возраста». Но, тем не менее, возникновение определенных традиций, их развитие и обогащение, воспитание и создание подлинно творческого коллектива и ансамбля—все это требует времени и сил. Не располагая исчерпывающими данными истории театра, только на основании нескольких увиденных спектаклей мы осмеливаемся утверждать, что Московский драматический театр далеко не полностью преодолел свой «критический возраст», что его настоятельные поиски не всегда увенчиваются художественными победами.

Насколько видно из заявлений руководителей театра и из репертуара, привезенного в Свердловск, предпринимались энергичные меры для того, чтобы обеспечить театр свежим, идейно и художественно-полноценным репертуаром. Театр первым принял постановку ряда классических драматических произведений, особенно зарубежных («Месть Вотрена» Бальзака, «Мертвая хватка» Голсуорси). В тесном творческом сотрудничестве с многими советскими драматургами, театр стремился обеспечить себя драматургией о «сегодняшнем дне» или, как писал главный режиссер театра народный артист РСФСР И. Я. Судаков, «...главное место в репертуаре всегда принадлежало... раскрытию богатого содержания жизни современного советского человека».

Однако репертуар гастрольной поездки не подтверждает заявления главного режиссера И. Я. Судакова. Из девяти спектаклей, которые ставит театр, только в одном («Провинциальная девушка») показана «жизнь современного советского человека».

И так как в представленном репертуаре две трети составляет зарубежная драматургия, конкретный разговор мы поведем на основе трех зарубежных пьес: «Месть Вотрена» Оноре де Бальзака, «Мертвая хватка» Джона Голсуорси и «Все мои сыновья» Артура Миллера. На этих трех спектаклях, как нам представляется, можно выявить характерные для театра сильные и слабые стороны.

ОДИН из интереснейших спектаклей театра—«Все мои сыновья». Пьеса принадлежит перу американского прогрессивного драматурга, в прошлом году представшего перед скандально известной комиссией американского сената по расследованию «антиамериканской деятельности». Свообразие метода Артура Миллера в сюжетном развитии конфликта проявилось в том, что он показал столкновение отца-предпринимателя с сыновьями, воевавшими с фашизмом, таким образом, автору удалось на обычном материале семейной драмы раскрыть глубокую социальную драму.

Мы видим на сцене семью преуспевающего американского предпринимателя Джо Келлера, законченный образ которого создал народный артист УзССР Н. Д. Никомаров. Джо в его исполнении представляется иначе добродушным малым, хорошим соседом, где-то в глубине затаившим какую-то тревогу. О ней мы догадываемся по мелкому брошенному на сына испытующему взгляду, по невинной игре «в тюрьму», в которую он втиснул почти всех мальчиков с их улыбки и по другим выразительным деталям. И драматург, и по-

становщик (народный артист РСФСР И. Я. Судаков), и исполнитель подчеркивают нарастание внутренней тревоги Джо Келлера. Постановщик сумел придать финалам первого и второго действия характер весьма выразительной сценической точки, которая одновременно намечает перспективу дальнейшего развития конфликта, пока не разоблачается до конца преступление Джо Келлера перед всеми сыновьями Америки, дравшимся на фронтах второй мировой войны, и когда вдобавок ему становится ясно, что его осудили и родные сыновья, Джо Келлер кончает счеты с жизнью, драма получает свое неизбежное завершение. Артист Никомаров очень убедительно обнажает перед зрителем полную опустошенность своего героя и необходимость такого исхода. Важно, что всем ходом развития действия режиссер и исполнители сумели подчеркнуть глубокую закономерность драмы в семье Келлера, тем самым театр выразительным языком искусства осудил не Джо Келлера, как такового, а американский образ жизни, порождающий келлеров.

Представителем прогрессивных сил Америки, пусть даже не всегда ясно сознающим, что делать, выступает Крис Келлер в выразительном исполнении актера С. Г. Соколовского. К сожалению, этот лагерь в спектакле оказался объединенным из-за очень серого, ремесленного исполнения актером А. Ф. Васниным роли Джорджа Девера.

Два центральных женских образа — Кэт Келлер, матери Криса, и Энни Девер, бывшей невесты погибшего брата,—выписаны драматургом с особой тщательностью; это сложные характеры большого психологического содержания. Естественны большие трудности, встающие при их сценическом воплощении. Артистки Э. Д. Милтон и Л. П. Богданова разными путями преодолевают эти трудности: Богданова стремится мягкой и сдержанной игрой передать траги-

За серьезные поиски, за смелые дерзавья!

ческие раздумья своей героини и добивается значительного успеха, Э. Д. Милтон предпочитает резкие интонации и резкие движения, она стремится подчеркнуть страдания матери. То, что мы сказали о разных путях преодоления трудностей двумя актрисами, является выражением различного подхода к творчеству. И этот различный подход к творчеству сказывается временами в нарушении отдельными исполнителями ансамбля, в попытке резким «нажимом» на чисто внешний рисунок создать броский образ. Разумеется, это вина не только актеров, но и режиссуры. И если мы с этим встретились в интереснейшем спектакле, то в других спектаклях подобных проявлений гораздо больше. В частности, они есть и в другой несомненно интересной работе театра — в «Мертвой хватке».

ПОСТАНОВКА театром пьесы Голсуорси—безусловная удача, и мы благодарны театру, что он первым «открыл» эту пьесу для советского зрителя, которая привлекает острой раскрытой социальной конфликтов, глубиной

обрисовки характеров, напряженным развитием действия и блестящими диалогами. Полнокровные реалистические характеры драмы увлекли артистов, и в спектакле есть подлинно творческие успехи многих исполнителей.

Очень мягко передает характер Хилкриста заслуженный деятель искусств РСФСР А. С. Краснополский, особенно у зрителя складывается законченный портрет английского аристократа, вынужденного все больше и больше цепляться за принцип аристократической чести. По мере того, как его теснит безродный Хорнблоуэр, Хилкрист стремится остаться джентльменом, со всеми присущими ему качествами, от подагры до лицемерия. Весьма убедительно раскрывает характер Хорнблоуэра — антагониста Хилкриста — артист Г. Д. Федоровский. При легкой подобности образа вполне уместны гротескные краски, которыми преимущественно и пользуется Федоровский. Но нельзя ли все же разнообразить выразительные средства? Временами уже очень назойливо повторяются резкие интонации и вульгарные жесты.

Среди актеров, представляющих молодое поколение двух враждующих семей, выделяются исполнители двух женских

сти». Пьеса «Вотрен» не делает чести автору, а спектакль «Месть Вотрена» тем больше не делает чести театру.

Пьеса Бальзака—предельно романтическая мелодрама искусственно усложненным сюжетом, в которой зрителя изрядно потянут таинственными приключениями, переживаниями, похищениями (правда, о них только рассказывают), коварным преследованием, ложными обвинениями и т. д., а в заключении преподносится счастливый конец. Самое печальное в пьесе — изуродованный характер Вотрена. Вотрен из «Человеческой комедии» абсолютно непригоден для той миссии благодетеля молодого изгнанного дворянина Рауля де Фрескаса, которую ему уготовил Бальзак в своей мелодраме.

Страшная эклектика чувствуется в постановке пьесы «Вотрен». С одной стороны, явное стремление усилить мелодраматические мотивы — пьеса произвольно, без всякого на то основания, названа почему-то «Месть Вотрена», с другой—попытка сыграть романтическую пьесу Бальзака как бытовую драму. И это привело к тому, что в отдельных сценах некоторые исполнители просто не знали, что и для чего они делают.

Хочется пожелать молодому театру побольше выскательности к своему тяжелому, но благородному труду, значительного повышения театральной культуры во всех ее составных элементах, смелых дерзаний. Тогда он несомненно добьется трудных, но настоящих побед.

И. КАНТОВИЧ,
кандидат филологических наук.

ЧТО ЖЕ касается «Мести Вотрена», то само обращение театра к этой пьесе Бальзака и постановку ее театром приходится признать серьезным просчетом. Театр подошел к пьесе как к социальной реалистической драме, в которой якобы дано «яркое критическое обличение буржуазной действитель-